

**УНИВЕРСИТЕТ
СПЕЦИАЛЬНЫХ ЧАР**

**ПОЩАДЫ, МАЭСТРИНА!
БОЛЬШИЕ ПЛАНЫ МАЭСТРИНЫ
МАЭСТРИНЕ НЕКОГДА СКУЧАТЬ**

МИЛЕНА ЗАВОЙЧИНСКАЯ

**УНИВЕРСИТЕТ
СПЕЦИАЛЬНЫХ ЧАР
ПОЩАДЫ, МАЭСТРИНА!**

**МОСКВА
2023**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-13

Разработка серийного оформления
В. Матвеевой

Иллюстрация на переплете *Л. Совы*

Завойчинская, Милена Валерьевна.
3-13 Университет Специальных Чар. Пощады,
маэстрина! / Милена Завойчинская. — Москва :
Эксмо, 2023. — 320 с. — (Академия Магии).

ISBN 978-5-04-177740-1

Проснувшись в чужом мире, в чужом теле и с ответственностью за чужого ребенка, Маша испытала шок. Еще хуже, что ей пришлось принять другое имя и загрузить в разум чужую память и жизнь.

Но выживать надо. И, получив приглашение учить студентов алхимии, теперь уже не Мария, а Мариэлла Монкар берет себя в руки, младенца в корзинке и едет в университет работать преподавом. Станным. Непонятным. Таким, от которого она сама немножко в ужасе, а студенты воют и просят пощады.

Но, увы, маэстрина Мари трудоголик, привыкла все делать хорошо и всех научит. Будут студенты знать предмет отлично, даже если не хотят. И ректор, такой же трудоголик, признает, что маэстрина очень нужна в универе. К тому же она такая интересная и необычная, что не думать о ней не получается.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-177740-1

© Завойчинская М.В., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

«Здравствуй, далекая подруга. Если ты читаешь эти строки, значит, мне все удалось. Ты сохранишь мою душу, а я сделаю все, чтобы помочь тебе и решить твои проблемы.

Спаси меня и ее. Ты — мой единственный шанс не совершить тяжкий грех и не пойти на убийство...

Это он. Тот способ, который мне удалось найти. О котором никто не должен знать. Забытый, не используемый с давних-давних времен, единственный верный для меня.

Я слабая, признаю. Не могу смириться, принять, простить. Я задыхаюсь от ненависти и не могу даже смотреть в ее сторону. Несколько дней назад поймала себя на том, что держу подушку над ее лицом. Пишу это признание и облираю от ужаса. Но это то, что заставило наскрестить в себе остатки меня прежней и начать спешно искать путь спасения. Тебя. Ты — наше спасение.

Меня зовут Мариэлла Монкар. Тебя теперь зовут Мариэлла Монкар. Инструкции найдешь

на страницах тетради, я все записала для тебя. Моя неведомая подруга, не злись на меня и прости, умоляю. Я сделала все, чтобы облегчить тебе путь. К каждому этапу и пункту инструкции прилагается флакон с соответствующим номером и активирующие слова. Ты узнаешь все, я передам полную информацию, ты сможешь быстро адаптироваться.

Прощай. Будь счастлива.

Р. С. Я не зарегистрировала ее и не дала имени. Слишком ненавижу. Не могу. Думать, вспоминать, смотреть на нее не могу. Сделай необходимое ты. И вырасти. Мое отношение к ней — это моя беда, не ее. Я понимаю, но пережить себя не в состоянии».

Я дочитала письмо, обнаруженное на подушке. Положила его на стоящий вплотную к кровати стол, рядом с тетрадью в простой коричневой картонной обложке. Подвигала пальцем рядок крохотных флакончиков. К горловине каждого бечевкой привязан клочок бумаги с цифрой.

Кошмар какой-то. Ничего не понимаю. О ком речь, кто эта загадочная «она»? Какая еще Мари-элла? Француженка? Как я попала во Францию? Даже если допустить, что я перебрала и отключилась, а меня куда-то вывезли... Когда? Зачем? Кому я могла понадобиться?

Нет, не сходится.

Да и комната вполне приличная. Старомодная, конечно. Ее хозяйка явно не любит современный минимализм и лаконичность..

Из угла донеслось кряхтенье, и я вздрогнула. Это еще кто?

Я выбралась из постели, в которой проснулась внезапно среди ночи оттого, что резко заболела голова и замутило, и на цыпочках пробралась в сторону доносящихся странных звуков. Собака, что ли?

Увидела я источник этого кряхтения и замерла статуей самой себе. После чего шепотом выругалась.

Прямо на полу у стены стояла большая старомодная корзина, застеленная белым покрывальцем. А в ней возился выпутавший руки из пеленок младенец.

Вероятно, та самая «она».

— У меня слов нет! — зажмурилась я, да еще и ладонью прикрыла лицо.

Теплилась наивная надежда, что, когда открою глаза, все это исчезнет, а я окажусь дома. В своей квартире, на диване, куда накануне вечером мирно легла спать после прощального вечера в баре с коллегами по бывшей уже работе.

Младенец закряхтел громче, заставив меня отмереть, подойти ближе и присесть на корточки.

— Ну привет, ребенок, — тихонько произнесла я и протянула руку.

Он тут же крепко вцепился в мой палец и капризно скривил личико. Вот если бы я еще знала, что ему нужно. Нет, ну базовые потребности, тут все понятно. Еда, чистые сухие пеленки...

А инструкция к этому чуду не прилагается? Или ожидается, что если ты женщина, то прямо по умолчанию умеешь обращаться с такими крохами? Серьезно? Я в жизни никогда младенцев не видела. Чтобы вот прямо настоящего и вблизи. Как их брать на руки? Что-то там про «придерживать головку», это я из фильмов помню. А как именно держать? Как обмывать? И чем? Или это покойников обмывают, а детей подмывают?

Я втянула воздух носом. Таки да. Нужны чистые пеленки. И, вероятно, еда. По идее, раз матери рядом нет, то где-то неподалеку должна быть бутылочка с соской.

Бутылочка нашлась. Правда, странная какая-то, из толстого темного стекла. И соска из неизвестного мне плотного материала. А крышка не пластмассовая, а из тонкой жести.

Чудно.

Но выбора у меня не было, поэтому я понюхала молоко, стоявшее рядом на стуле в теплой на ощупь глиняной крынке, укрытой тряпицей. Пахло... козой. Налила немного в бутылочку и поднесла к роту ребенка. Он жадно зачмокал, закрыв глаза. Ну а мне пришлось сидеть рядом и регулировать угол наклона этой старомодной конструкции для кормления, чтобы не лилось слишком сильно.

Насытившись, дите снова закричало. Господи, что с ним делать-то? Опять жалобно подумалось, что у меня нет никакого опыта общения с детьми, если не считать кинематографа и мамочек на детских площадках, мимо которых я про-

ходила во дворах. По идее, грудничка надо взять на руки. И пеленки поменять...

Подгузников, столь широко рекламируемых по телевидению, я в комнате не нашла. Вообще ни одного. Но обнаружилась стопка пеленок и сложенных тряпочек. Что за дичь?

Зато были кувшин с теплой водой и таз. Удивительно, что вода до сих пор не остыла.

В общем, обмирая от ужаса, я приступила к гигиеническим процедурам. Младенец оказался девочкой. Я не ошиблась, это та самая «она», о которой речь в письме.

Подрагивающими от волнения руками я вынула девчушку из корзины. Мокрые пеленки отложила, а ее прикрыла чистыми и пристроила столбиком, прижав к себе. Вроде так делали в фильме.

Малышка оказалась на удивление тяжеленькая и упитанная. Голодом ее явно не морили. И в целом обращались хорошо. Чистенькая. Пухленькая. Пахнет козьим молоком.

Я встала и в замешательстве принялась мерить шагами комнату, рассматривая обстановку и размышляя. В очередной раз шагая мимо корзины, в которой осталась опустевшая бутылочка, и лежащей рядом на полу стопки грязных пеленок, я зачем-то щелкнула пальцем и странно скрестила пальцы. Как-то рефлексивно получилось. Озадачилась своим поступком, но акцентироваться на этом не стала.

Итак. Небольшая комната. Неновая добротная деревянная мебель. Основательная такая,

которая века переживет. Стены покрыты синей штукатуркой. На одной из них вместо картины древний вышитый гобелен на штанге. Вообще комната вся такая... в старинном стиле. Светильник, правда, интересный, с датчиком движения вероятно. Именно таких я еще не встречала. Светящийся шар на треноге. Когда я проснулась, он едва светился, а как только начала двигаться, разгорелся ярче.

Кровать узкая и короткая. Не сравнить с моим просторным диваном, раскладывающимся в полноценное двуспальное ложе. У окна, за которым пока царила ночь, вплотную к изголовью кровати, массивный квадратный стол. Именно на нем я и нашла флакончики и тетрадку с лежащим сверху посланием, когда проснулась.

Простой деревянный стул у двери, на нем крынка с молоком. Узкий платяной шкаф. Дальняя стена теплая на ощупь, наверное, с другой стороны камин или же батареи вшиты в стену. Именно к ней приставлена корзина с ребенком.

Малышка на моих руках заснула, и я аккуратно уложила ее обратно в корзину. Еще не хватало, чтобы она вдруг начала плакать. Я вообще не представляю, что делать с рыдающими младенцами. И почему они рыдают. Колики какие-то существуют. Это я слышала.

Вернулась к постели и столу, открыла тетрадь и прочитала текст на первой странице. Следуя инструкции, откупорила бутылек с одноимен-

ным номером. Принюхалась. Пахло летним лугом и немного ромашкой. Попробовала на язык. Помедлила.

Вряд ли меня хотели бы отравить. Да? Мне вон ребенка на хранение оставили. А если я того... Как с ним тогда?

Я решила и залпом проглотила содержимое флакончика. Совершенно безвкусное, как вода. Пробежалась взглядом по словам, которые следовало произнести вслух, четко проговаривая и ставя ударения. Они тоже были обозначены в инструкции. Ну, сделала, раз надо зачем-то.

Несколько секунд ничего не происходило, а потом накатили видения. Словно кино перед моим внутренним взором проигрывалось. Только задом наперед. Как будто пленку назад кто-то проматывал.

Женщина средних лет пеленает младенца и дает ему бутылочку. Родившийся ребенок. Заплаканная измученная девушка сразу после родов. Потом она снова, беременная и в схватках. Медсестра, помогающая ей. Потом эта же девушка сидит в заполненной книгами библиотеке и держится за большой живот. Одета странно. В темное длинное платье в стиле ампир, отрезное под грудью.

В общем, я увидела сцены от последних дней беременности и до схваток и родов, но в обратной последовательности. Все это сопровождалось звуками. Плачем. Стонами. Подбадривающими словами...

Когда все это закончилось и я пришла в себя, обнаружила, что ниже на странице проступила надпись:

*«Так она родилась.
Пожалуйста, дай ей имя».*

— Ничего себе глюки! — ошарашенно пробормотала я и отодвинулась от стола.

Вскочила и намотала несколько кругов по комнате. Замерла над корзинкой со спящим ребенком.

Мысли в голове панически метались. То думалось, что я сошла с ума и мне все это мерещится. То — что это какой-то розыгрыш и где-то скрытая камера, которая все транслирует куда-то. Приходила и совсем уж нелепая идея, что меня занесло в параллельный мир. Мне не чужда любовь к фэнтези и сказкам.

Но ребенок? Кинохроника задом наперед? Не понимаю...

За окном начинало светать.

И я вернулась к столу и перелистнула страницу. И да, выпила, следуя указаниям, флакончик номер два.

А потом третий.

И четвертый.

А потом отключилась прямо за столом, уронив голову на скрещенные руки.

По ощущениям, спала я часа три и проснулась от кряхтения. Младенец пока не плакал, но изда-

вал тихие скрипучие звуки и причмокивание. Опять голоден?

Вот ведь дела! А бутылочку-то я не мыла. Я с досадой развинтила ее и была крайне озадачена тем, что она абсолютно чистая. Проверила пальцем. Понюхала на всякий случай. Даже лизнула край. Чистая.

Как так? Самоочищающаяся? Или кто-то заходил, пока я спала?

В общем, процесс кормежки повторился. Потом поносить столбиком на руках. Я вспомнила, что где-то слышала или читала о том, что это нужно, чтобы не срыгивал ребенок. Смена пеленок. Куда делась стопка грязных, точнее, почему они вдруг стали чистыми, я тоже не поняла.

Девочка снова заснула. А я посидела с ней рядом, рассматривая и переваривая то, что мне сейчас снилось.

А снилось странное. Все то, что я под воздействием зелья из флаконов и странных слов, похожих на заклинания, увидела в обратной перемотке, во время моей дремы пришло глубоким, наполненным смыслом сном. И вот что удивительно. Я понимала: все, что я вижу, — это не моя жизнь. Но при этом я словно была участником, погруженным в происходящее. Злилась, нервничала, боялась, паниковала, ненавидела, пребывала в отчаянии.

Итак, исходя из увиденного...

Малышка родилась около двух месяцев назад. Ее мать отчего-то была совсем одна, вот тут мне

пока неясно, где родители этой Мариэллы и отец ее ребенка. Возраст девушки не юный, двадцать два года, вполне уже взрослая особа. Я, конечно, старше на десяток лет, но у меня были коллеги, пришедшие на работу сразу после окончания института.

Мариэлла как раз выпускница какого-то учебного заведения, судя по тому, что я успела увидеть. И — вот тут как-то не верится, наверное, мне показалось — это была магическая академия.

Некоторый информационный провал с ребенком. Я увидела последние сроки беременности. Прочувствовала всю ненависть девушки к тому, кто растет в ее животе и позднее появился на свет. Почему? Отец девочки оказался подонком? Изменил? Бросил? Что?

Ответов еще нет. Но даже если и так, понять причину столь лютого неприятия ни в чем не повинного малыша я пока не могла.

Роды прошли уже тут, в этом месте. Оказывается, Мариэлла сняла тут комнату на несколько месяцев и заключила договор о проживании. Как я поняла, это что-то вроде пансиона для публики среднего класса. Эдакое приличное платное общежитие. Здесь же все и столовались. Сюда же потом раз в сутки доставляли козье молоко для ребенка.

Я была права, младенца хорошо кормили, следили за его здоровьем. Но на руки Мариэлла брала ребенка, только чтобы обмыть и сменить пе-

ленки. Вынужденно. Пересилить себя и сделать что-то большее девушка не могла.

Из комнаты она практически не выходила. Особенно после родов. Фактически только ради визитов в купальню и уборную. Тут ела, спала, ухаживала за младенцем. Можно по пальцам одной руки пересчитать количество раз, когда она покидала стены пансиона. Полное, глубокое затворничество. Здесь же, на столе, в крохотном котелке, подвешенном на какой-то почти игрушечной треноге с источником огня, варила эликсиры для поддержания здоровья малышки и зелья, оставленные мне.

Почему мне-то? Каким боком я имею отношение к Мариэлле и ее ребенку? Жила себе спокойно на Земле, никого не трогала, никакими эзотерическими и паранормальными вещами отродясь не интересовалась. С какой вдруг стати я ей подруга?

Может, это все такой странный глубокий сон во сне?

Я с усилием потерла лицо ладонями и вернулась к столу и тетради. Буду читать дальше, надо ведь разобраться.

И снова флакон с неясной жидкостью и потом активизирующие слова. Видения.

Следующий, под номером шесть. Видения.

Потом седьмой. Заклинания. Видения.

Восьмой. Очередное кино в обратной перемотке.

Девятый. И еще порция глюков.

Десятый. И, кажется, мой мозг сейчас взорвется.

Я еле дотянулась до подушки, упала и вновь отключилась.

День прошел как в тумане. Я просыпалась от тихого кряхтения младенца. Кормила. Держала на руках, меняла пеленки. Укладывала. И ложилась сама. Сонливость и слабость были жуткие.

Снова поймала себя на том, что зачем-то каждый раз прищелкиваю и делаю непонятные пассы пальцами над грязными вещами и пустой бутылочкой. Обдумать не получалось.

К вечеру я более-менее оклемалась и обнаружила, что кто-то заходил в комнату, пока я спала. У двери стоял стул с подносом, на котором я обнаружила еду для себя и крынку со свежим козьим молоком. А старую забрали и унесли.

И опять тело само по себе зачем-то прищелкнуло пальцами и провело рукой над продуктами. Не знаю, что я сделала, но отчего-то появилось понимание, что с едой все хорошо. Она свежая, не отравленная и еще теплая.

Ну, поела. Запила сладким крепким травяным чаем.

Сил выйти из комнаты пока не было. Выпитые зелья и сумбурные видения вымотали. Почему я не пыталась выскочить к людям, отчего следовала инструкциям из тетради, пила, читала и смотрела все эти видения, не знаю. Сознание воспринимало все с некоторой степенью отупения и покорности. Мол, надо, Маша. Давай сде-

лаем, а уже потом, когда все узнаем, решим, как быть.

Зато к ночи я успела сложить более полную картину прошедших событий и того, что случилось с матерью сопящей в корзинке девочки. Ну...

Наверное, я, будучи взрослой и в чем-то циничной женщиной с крепкой психикой, приняла бы все иначе. Хотя, признаюсь, я вообще не допустила бы этого пухленького последствия. Благо есть препараты, которые можно попросить у врача, чтобы не допустить беременности после изнасилования.

Но то я, женщина двадцать первого века.

А тут наивная девчонка, заканчивающая академию и влюбившаяся по уши в богатенького мерзавца. Она верила, что он обратил на нее внимание по взаимной симпатии. Но смазлив подонок, признаю. Девочка должна будет вырасти настоящей красоткой, если взяла от обоих родителей лучшее. Ее мать, Мариэлла, тоже хорошенькая до невозможности.

Глава 2

Картинка сложилась.

Отличница магической академии, одаренный маг-алхимик с большим потенциалом и светлой головой. Сирота. Опекунша-бабушка скончалась в этом же году, незадолго до рождения крохи. И Мариэлла ей о своей беде не рассказала. Сбе-

жала в другой город. Я пока не поняла, почему именно сюда.

Папашка крохи — мажор, привыкший к безнаказанности. Поспорил с приятелями, что затащит Мариэллу в постель, злился, что никак это не удастся, и она хоть и верит его ухаживаниям и сладким речам, но дальше свиданий никак не заходит. Ссора. Его пьянка с друзьями. Упившись, он возвращался в студенческое общежитие и столкнулся на улице с несговорчивой девушкой. Что уж у него в голове перемкнуло, раз он решился на такое, неясно. Но парень оглушил ее и уволок в съемный домик, куда водил шлюх. Опоил, надел ошейник из какого-то странного материала и неделю методично избивал и насиловал, приходя после занятий и бросая связанной на ночь, когда возвращался в общежитие. А в академии рассказывал, что встретил ее в городе и, мол, она ему сказала, что нужно срочно уехать навестить заболевшую бабушку.

А вот дальше непонятно. То ли Мариэлла решила мне это не передавать, то ли сама не помнит. Каким-то образом она вновь уже на территории академии, у врачей. А этот маньяк-насильник исчез в неизвестном направлении, и сведения о нем теряются. Но вроде она ни при чем. Кто-то ее спас? Кто и как? Как она попала из того домика в академическую больницу? Что показало расследование и рассказала ли она вообще хоть кому-то о произошедшем? Куда исчез парень? Никаких сведений я из видений не получила.

Академию девушка окончила с отличием, несмотря на шок и случившуюся беременность. Дочучилась, скрывая свое состояние. Сама она была в ужасе, отчаянии и панике, что не предусмотрела, не предприняла меры, но как поступить с уже случившимся, не понимала. О беременности не узнал никто. Ни соседки по комнате в общежитии, ни бабушка.

Самая способная ученица курса, талантливый алхимик-зельевар, Мариэлла даже получила предложение о работе еще в середине последнего года обучения. И большую часть выпускных экзаменов сдала экстерном, что позволили ее высшие баллы. Так никому и не рассказав о своей беде, сразу, как только освободилась от учебы, девушка уехала сюда, доходила оставшиеся пару месяцев срока, тут родила и жила пока с малышкой. Как я поняла, сначала хотела подкинуть ребенка к крыльцу сиротского приюта. Но не смогла, тянула, надеялась принять, но...

А потом тут почему-то оказалась я.

Перед сном, смирившись с невероятностью ситуации, я заставила себя поочередно принять еще два флакончика. Активировала их, прочитав очередные волшебные слова из инструкции. Снова узрела что-то из воспоминаний прошлой жизни Мариэллы.

Сначала симпатичный каменный дом. Пожилая улыбчивая женщина в элегантном старинном платье. Ее прехорошенькая внучка.

И напоследок получила сжатую информацию о знакомых и однокурсниках, с которыми тесно общалась девушка. Короткие сценки, обрывки разговоров, ситуации, мнение об этих людях, общее понимание, кто есть кто.

Я долистала тетрадь до последней страницы и обнаружила финальное послание.

«Спасибо, моя незнакомая спасительница, что прошла этот путь и впитала воспоминания, которые я для тебя законсервировала. Пожалуйста, прими последнее зелье. Прочитай слова ниже. И приложи ко лбу схему, которую я нарисовала на вложенном листке. Я вручаю тебе свою судьбу, свой дар, свои знания, навыки и умения, все, чем владею. Забери мою жизнь, исправь ее, умоляю, стань мной. Взамен принимаю твой путь и клянусь пройти его достойно. Обратной дороги нет, не ищи ее. Отныне ты — это я, а я — это ты».

Нет-нет-нет!

Стань мной?!

Я вскочила и забежала по комнате. Нервно прищелкнула пальцами и подпрыгнула на месте, когда вдруг зажглась свеча на столе. Светильник же снизил интенсивность освещения.

И вот только сейчас я взглянула на себя. Ночная длинная сорочка, в которой я проснулась и провела весь день. Не моя, кстати. Посмотрела на свои босые ноги. Узкие аккуратные ступни с высоким сводом, размер небольшой. И нет ярко-

го педикюра, который я делала накануне. Пошевелила пальцами. Чужими пальцами, не моими.

Уже понимая, что и руки будут не мои, я все же всмотрелась в них. Сжала и разжала кулаки. Полюбовалась на изящные ладони, на тонкие длинные пальцы с аккуратными ноготками без маникюра. Почему я не заметила этого за целый день? Я совсем слепая?! Как можно было не увидеть, что это чужие руки?!

Приподняла длинный подол и осмотрела то, что открылось. Что ж, и тело не мое. Нет шрамов от удаления аппендицита и от вмешательства с лапароскопией. Увы, я не самый здоровый человек. Это же тело принадлежит молодой особе, недавно рожавшей, живот еще выдает это. Но лишнего веса нет. То ли Мариэлла так мало ела на нервной почве, что и не поправилась за беременность, то ли успела исхудать за прошедшие два месяца. А вот грудь, которую я тут же принялась ощупывать, пустая. Молока нет совсем.

Я уронила руки и постояла, делая размеренные вдохи и выдохи. Дышим, Машка. Дышим. Не знаю как, но ты оказалась в волшебном мире в теле девушки с похожим именем. Может, как раз потому, что имена созвучны? Я Мария, она — Мариэлла.

Я потянулась и перекинула на грудь длинные волосы, заплетенные в растрепанную косу.

Глубокий каштановый цвет, тяжелые, плотные и совершенно прямые. Мои совсем не такие, у меня пушистые, выющиеся и темно-русые.

Ох! Так это что получается?! Раз я тут, то она на Земле, и мы поменялись телами?

Не скажу, что я сразу приняла эту невыносимую ситуацию. Металась по комнате в попытках найти зеркало. Щупала свое лицо. Пыталась рассмотреть отражение в тазике с водой. Даже всплакнула потихоньку, чтобы не разбудить спящего младенца.

А потом внезапно успокоилась, подошла к столу, села. И выполнила последнюю инструкцию. Зелье. Активация. Рисунок, приложенный ко лбу.

И мир взорвался. А я сгорела в пламени, похожем на северное сияние. Оно было горячим, обволакивающим, очищающим, наполняющим. Не было больно, но меня не стало, я словно растворилась.

— Маузэль!¹ — разбудил меня чей-то голос. — Маузель! Вам письмо.

Я разлепила глаза и обнаружила, что опять упала лицом на скрещенные на столе руки и так и заснула. И оказалось, что уже утро. И я проспала прошлое кормление малышки, но она не плакала почему-то.

Тело затекло от неудобной позы, и я еле разогнулась. С трудом села ровно и обернулась.

У открытой двери стояла девица лет двадцати пяти с неприязненно поджатыми губами. Смо-

¹ Маузэль — обращение к незамужней женщине. В случае, когда семейное положение неизвестно, обращаются исходя из возраста. (*Здесь и далее — прим. авт.*)

трела она не на меня, а на корзинку в углу, где снова выпуталась из пеленок кроха.

— Письмо? — хриплым со сна голосом уточнила я.

— Да, маузель. Я войду?

Какое странное обращение — «маузель». Слово обрзанная форма традиционного французского обращения к незамужним дамам.

Почему-то мне не хотелось позволять девушке входить. Я сама выбралась из-за стола, босиком прошла к двери и протянула руку. Та скривилась, словно я сделала что-то не то, но отдала мне запечатанный сургучом конверт из плотной бумаги.

— Хоть бы в порядок себя привела, — пробормотала горничная, глядя под ноги, вроде как сама себе, но при этом, чтобы я услышала. — Падшая женщина...

— Алиса, — негромко позвала я девушку. Имя всплыло в памяти само собой. — Ты ничего не перепутала?

— А? — глупо переспросила она. — Чего?

— Дай мне характеристику термина «падшая женщина», — велела я.

— Ну... это... — У нее забегали глаза. Она почему-то была уверена, что я проглочу оскорбление. Из чего делаем вывод: Мариэлле пришлось несладко, но она отмалчивалась.

— Конкретнее! — негромко скомандовала я.

— Ну... которая мужчин... того... Меняет. Вот. И, значит, не блюдет себя.

— То есть — это ты? Ты ведь спишь одновременно с несколькими мужчинами, с каждого бе-

решь деньги и подарки. Каждого уверяешь, что он единственный. Или это считается не «падшая», а шлюховатая и продажная?

Понятия не имею, откуда я взяла эту информацию. Наверное, знала об этом прежняя владелица тела, куда меня занесло.

Алиса вытаращилась на меня и побагровела. Открыла и закрыла рот. Нервно сжала ткань фартука.

— Иди, Алиса, — мягко сообщила я онемевшей горничной. — Спасибо за помощь и что принесла письмо. — Я перевернула конверт и заметила, что кто-то пытался поддеть сургучный оттиск. — Ах да! Не советую еще раз пытаться вскрывать мою переписку. Если вдруг ты забыла, я маг. Очень недовольный твоим поведением маг. В следующий раз останешься без пальцев. Или без рук. Тут уж как получится.

Девушка побелела. Затравленно оглянулась и попятилась, не сводя с меня глаз.

— Что-то не так? — вежливо улыбнулась я ей.

— В... в... ведьма!

— Алиса-а-а, я маг, окончивший академию с отличием. Я много знаю и многое умею. Правда, последние недели выдались тяжелыми, я была немного не в себе. Но не зли меня больше. Хорошо? А то я ведь сильно обижусь. — И я снова улыбнулась дежурной улыбкой.

Работница пансиона судорожно кивнула и поспешила прочь, несколько раз оглянувшись на меня.

Господи, ну вот почему наглым хамам и грубиянам нужно обязательно дать сдачи так, что-

бы неповадно было? Отчего нельзя вести себя цивилизованно с самого начала?

Эту бедную Мариэллу, похоже, затравили из-за внебрачного ребенка. А она проглатывала все это, вместо того чтобы не давать спуску.

Не знаю пока, что дали схема и последнее зелье с заклинанием, но глубокий сон все расставил по местам. Я словно бы просмотрела или прочитала подробно биографию юной магини Мариэллы Монкар. Причем с полным погружением в персонажа, словно прошла с ней изрядный кусок жизненного пути. У меня теперь были ее знания, воспоминания, умения, навыки. Я была в курсе ее предпочтений и привычек. Но при этом они оставались ее, не моими. Странное чувство. И я никак не могу понять свое отрешенное состояние и то, как я воспринимаю происходящее.

Ох, Мариэлла. Чудная девчонка. Ну вот почему единственный способ, который ты нашла, — это сбежать в иной мир, призвав на место своей души другую? Древнее заклинание по обмену сущностями. И ведь отыскала же его неведомо где, и провернула немыслимый обряд. Я теперь знаю, что именно она сотворила, но мне неизвестно, как все исправить.

Не проще ли было отдать ребенка, которого не смогла принять, на усыновление? Не допустить беременности вообще? Вот как не догадалась, что если тебя целую неделю насиловал мужчина, то от этого может появиться столь нежеланное последствие, которое сломает тебе жизнь? Почему не приняла меры, не сварила со-

ответствующий эликсир? Ведь ты знаешь рецепт, даже я его теперь знаю. Ведь ко мне перешло все, что ты когда-то изучала в академии...

Я потеряла руками лицо.

Влипла ты, Мария. Придется что-то срочно начинать делать и выкручиваться, сидеть сложа руки я не умею.

Я подошла к малышке, которая по-прежнему не плакала, но сопела и кряхтела все громче. Присела рядом с корзинкой и погладила девочку по светлым волосикам. Она взяла блондинистую мазь отца-подонка. А вот цвет глаз пока не ясен, но вроде тоже светлые.

— Доброе утро, безымянная кроха. Завтракать? Приводить себя в порядок?

Закончив с кормлением и гигиеническими процедурами малышки и своими, я распахнула шкаф и хмыкнула. Негусто. Печально. Уныло. Скромно. Мариэлла явно пыталась казаться незаметной.

Нет, так дело не пойдет. А ведь деньги у нее... у меня есть, хоть и немного. Наследство покойной бабушки: счет с неплохим ежемесячным процентом для снятия и дом, который сейчас стоит пустой и который надо или продать, или сдать в аренду.

Кроме унылых, почти монашеских платьев в шкафу нашлось маленькое зеркало на обратной стороне дверцы. И я увидела свое нынешнее отражение. Измученное осунувшееся лицо, припухшие веки, сухая сероватая кожа, потрескавшиеся искусанные губы, тусклые волосы.

Да-а-а... Девчонка явно была в глубокой депрессии и отчаянии. При том, что исходные данные отличные. Породистая такая внешность, эффектная. Была, до того как...

Плюс общая слабость тела. Мариэлла себя едва не уморила. Но при этом младенец в полном здравии, ухожен, здоров, сыт. Похоже, из-за того, что не может принять и полюбить своего ребенка, несчастная мать себя гнобила и презирала, а об этом ненавистном создании заботилась. Чтобы хоть как-то оправдать себя.

Осмотрела я свой нынешний облик, ужаснулась...

— Что ж. Составляем план действий... — сообщила я зеркальному отражению.

Наклонилась и вытащила со дна шкафа чистую тетрадку. Знала теперь, что она там есть про запас.

Человек я современный, занятой, энергичный. Привыкла все планировать и выполнять по пунктам. А еще имею нехорошую привычку разговаривать вслух, так как больше десяти лет живу одна. Обожаю напевать и пританцовывать, если ситуация позволяет. Плеер с музыкой со мной всегда, так же как и наушники с шумоподавлением. Если не работаю, то слушаю или полезные подкасты, или музыку.

Через несколько минут на первой страничке тетради красовался подробнейший список необходимых дел. Все, как я люблю. С пунктами и подпунктами. Потому что даже самая сложная

задача решаема, если ее разбить на много небольших и посильных.

И первым в списке значилось помыться и привести в порядок лицо и волосы. В таком виде нельзя выходить на люди. А еще нужно обновить гардероб себе. Мой облик не должен вызывать жалости, презрения, недоумения или чего-то подобного. С какой стати-то? Ну и малявку надо приодеть. Все эти пеленки легко снимать, признаю. Но совершенно они не приспособлены для мобильных передвижений. Ах да. Еще надо как-то добыть переноску-кенгуру или слинг. Понятия не имею, как они устроены, но ничего. Нет невыполнимых дел, есть неправильный подход к ним.

Купальня в пансионе имелась, вот туда я и направилась вместе с корзинкой и малышкой. Терпимо, как в деревенской бане. Тазики, лоханки, парилка. Умывальные принадлежности, мыло и шампунь у Мариэллы были свои.

Я до скрипа отмыла длинные густые волосы и свое новое тело. Изучила его заодно, скептически поджимая губы. Вот же ж... Малышку тоже искупала, пощекотала и потискала. Она совсем не привыкла к такому, но тянулась к человеческому теплу и радовалась вниманию.

Вот тоже задача. Придумать имя чужому ребенку. Хотя теперь она вроде как моя. Вот не было печали... Готовой к материнству и опекунству я себя не ощущала.

Позднее в комнате я сварила по доставшейся мне чужой памяти зелье для красоты. Травки на-

шла в мешочках в шкафу. Там же были и тренога с котелком и спиртовкой. Пока зелье остывало, я распечатала конверт. Вчиталась и присвистнула. Дурацкая привычка! Я аж по губам себя пришлепнула. Вот вроде же избавилась от нее, а стресс, новое место — и вот, опять...

Так вот какое предложение о работе было получено... А ведь мне известно уже это, но невозможно все сразу вытащить из памяти. Мариэлла Монкар была приглашена на должность преподавателя алхимии и зельеварения в Университет Специальных Чар — УСЧ.

Как его называли в народе — «Усач». Я покопалась в доставшейся мне чужой памяти. Специализируется этот вуз на магах, создающих условия для удобной жизни и существования всех обитателей королевства. Бытовики, порталы, смотрители за городскими службами, за транспортом. Архитекторы с умением расширять и сжимать пространство. Артефакторы. И да, абсолютно всем им даются базовые, обязательные для каждого магически образованного человека знания зельеварения и алхимии.

В общем, там учатся те, без кого люди и дня не смогли бы прожить в комфорте. А вот боевого факультета там не было, в отличие от академии, которую окончила Мариэлла.

Что ж, тем более я должна привести это тело в божеский вид. Появиться в таком зачуханном состоянии среди студентов, которые управляют бытовой магией как дышат, — это мгновенная карьерная смерть.

Понятия не имею, как быть с ребенком. Его ведь не существовало в то время, когда отличница и талантливый юный маг Мариэлла Монкар приняла предложение о работе. Просто ее заметили и оценили ум, целеустремленность и способности девушки.

И тут вот вместо нее такой внезапный комплект — я и младенец.

Ладно. Вернемся к пунктам плана. Нет того, чего нельзя добиться, есть ленивые люди, которые не умеют выстраивать цепочку маленьких шагов и планировать свое время и силы.

Глава 3

Нанесла зелье для красоты на кожу лица, шеи, декольте и на кисти рук. Сначала приведем в порядок то, что на виду, остальное позднее. С трудом распутала и расчесала доставшиеся мне волосы. Зачем такие длинные, аж до колен? Это же с ума сойдешь — ухаживать за такими! Ни прическу красивую самостоятельно сделать, ни с распущенными походить. Да и вообще, запустила девушка себя, ох запустила.

Пока пришлось заплести косу и скрутить ее в узел. Заколола шпильками, найденными в шкафу, и поморщилась. Тяжеловато, голова будет болеть от такой прически.

Пришлось добавить подпункт к пункту о внешности. Туда же и маникюр с педикюром внесла. А потом еще и купить нормальное белье.

Я, конечно, понимаю, что живу сейчас в чужом теле. Но носить чужие трусы — это выше моих моральных сил. Даже если они идут в комплекте с этим самым телом.

Наконец я оделась, с досадой осмотрела получившееся существо. Бледная, худая, измученная, с унылой прической, отсутствием макияжа и в жутком сером платье.

Господи, Мариэлла! Ну как можно превратить себя вот в это?! В видениях, которые загрузились мне в голову, ты была совсем другой. Красивой, стройной, ухоженной девушкой, скромно, но элегантно одетой. А это вот что?! Тьфу просто!

Я цокнула с досадой и покачала головой. Жуткая уродливая шляпка. Темные круги под глазами выглядели удручающе, но взгляд у отражения был мой. Непримируемый и уверенный.

Ладно. Вдох-выдох — и идем покорять новый мир. Прорвемся.

Взять с собой ребенка я не могла. Таскать корзину этому телу не по силам. На руках носить младенца — тем более. А переноски нет.

Поэтому пришлось малышку снова потискать, чуточку с ней потетешкаться, накормить, поменять пеленки и дожидаться, пока она заснет. Все это в тишине. Этот ребенок вообще хоть иногда плачет, нет? Не то чтобы я возражаю, наоборот, опасаясь, что вдруг она начнет рыдать, но как-то странновато.

Перед тем как выйти из комнаты, я постояла на пороге, пытаясь вытащить из памяти что-ни-

будь полезное и нужное. Ага! Заклинания спокойствия и крепкого сна. Еще заклинание защитное на малявку, и она очутилась словно бы в большом мыльном пузыре. О! И запирающее заклинание на дверь. О-го-го! Я теперь маг. Ну хоть что-то скрашивает внезапное попадалово...

Я как бы помнила расположение помещений в пансионе, поэтому шла достаточно уверенно. Встреченные несколько человек проводили меня удивленными взглядами, а я молча вежливо каждому кивнула. У входа столкнулась с пожилой дамой, отдающей негромкие распоряжения мужчине-слуге. Вроде это истопник¹.

— Маузель Монкар, — суховато поприветствовала она меня. — Доброе утро.

— Доброе утро, мадам Фолэй. — Имя хозяйки пансиона пришло легко. — Как раз хотела заглянуть к вам сегодня. Хотела уточнить по срокам. Напомните, когда у меня заканчивается оплаченный период? Совсем скоро ведь?

— Через два дня. Будете продлевать?

— Нет. Мне пора отправляться в путь. Благодарю, у вас прекрасное заведение, мадам. Я искренне порекомендую его знакомым, если вдруг они будут направляться в этот город.

Это была легкая вежливая ложь. И я, и женщина знали это. Насколько я поняла из воспоминаний Мариэллы, Аннита Фолей была един-

¹ Истопник — работник, занимающийся топкой печей или отопительных котлов.

ственной, кто знал, что родившийся ребенок — печальный итог плена, жестокого обращения и насилия. Мариэлла случайно об этом проболталась, рыдая в незнакомом месте, в незнакомом городе. А та служанка, Алиса, просто любила сплетни и многое додумывала сама. Вот и решила, что молоденькая жиличка явно не имеет мужа, не вдова, а значит, нагуляла. Но Мариэлла никогда и никому не стала бы рассказывать, где и в каком состоянии она донашивала беременность и рожала.

Сославшись на спешку, я торопливо спустилась с крыльца и отправилась по делам. Список большой. Времени мало.

Банк, некоторая сумма наличными и информация о состоянии счета. Лучше узнать лично, а не надеяться на сведения, пришедшие ко мне в видениях.

Первым делом салон красоты. Маникюр и педикюр, лак для ногтей мягкого розового цвета. Меня порадовало, что тут тоже используют лаки для ногтей. Только состав у них иной, и стойкость им придают магически, а не химически. Заодно оплатила маленький флакончик похожего, но более темного оттенка, и мелочи, необходимые для самостоятельного ухода за ногтями.

Здесь же, пока две девушки занимались моими ногтями, мне уредила время и мастер по волосам.

— Что желаете, маузель? Уход? Окрашивание? Завивка?

— Я долго болела, только начала восстанавливаться. Волосы потеряли пристойный вид. Поэтому нужно укоротить до приемлемой длины, отрезать секущиеся концы. И подобрать две-три прически, легкие в исполнении, которые я смогу делать каждый день самостоятельно. Элегантные. Привлекательные. Ничего заигрывающего или вульгарного. Но и не унылый пучок или скромная девичья коса. Я должна производить впечатление особы, которой хочется подражать.

У девушки взлетели брови от последней фразы, но я невозмутимо смотрела на нее через зеркальное отражение.

— Что ж..

На все про все у нас ушло около часа с небольшим. Я ограничена во времени, мне нельзя затягивать и пора уже скоро возвращаться в пансион, чтобы дать бутылочку с молоком малышке. Но результат меня порадовал. Ногти теперь выглядели, словно у девушки с обложки журнала. Волосы безжалостно укоротили и оставили длиной чуть ниже талии, но зато теперь с ними я вполне могу справиться сама. Прическа мы подобрали аж четыре варианта. Все они шли к моей новой молоденькой внешности, а также отвечали моему вкусу взрослой женщины из другого мира. Никаких куделек, начесов, дурацких башен. С таким набором я просуществую легко, а позднее еще что-то подберу к лицу.

Ничего, Мариэлла. Я из тебя — из себя нынешней — сделаю неотразимую, потрясающую

и сногшибательную особу. Благо природные данные выше всяких похвал. Парни шеи будут сворачивать, а девушки завидовать и копировать.

После салона красоты успела забежать в лавку дамского белья, купить два изящных комплекта и приличную ночную рубашку. Та, которая имела у Мариэллы, это просто: «Здравствуй, пенсия, из меня уже сыплется песок и пора на кладбище». Никуда не годится, короче. А вот от корсета я отказалась, хотя девушки-продавщицы уговаривали. Сказала, мне состояние здоровье категорически не позволяет носить подобную конструкцию. Что там утягивать-то у моего нынешнего тела? Его откармливать надо, а не делать стройнее.

Следом уже почти бегом ворвалась в салон готовой дамской одежды. Вот тут времени на выбор почти не оставалось. Разделась, с меня сняли мерки, все записали. И далее пришлось действовать путем выдачи запросов в телеграфном стиле.

...Белая рубашка мужского фасона с высоким жестким воротничком. Никаких воланов или рюшей. Манжеты предпочтительно с запонками. Подберите их сами, серебряные, с темными камнями, желательно полудрагоценными или поделочными. Юбка с широким поясом, застежка сзади или сбоку на пуговицы. Нет, никаких кринолинов и нижних юбок! К ней жакет из того же материала, чтобы составил ансамбль. Еще нужна широкая юбка-брюки, вполне по-

дойдет та, с манекена в витрине, но мой размер. Да, я маг и мне дозволено носить брюки. Да, вот вам огонек, доказывающий мой дар. К ним подберите жакет и составьте второй комплект. Вторую блузу в контрастный цвет к этому костюму, ее манжеты на пуговицах. И мне понадобятся перчатки, чтобы все смотрелось продуманно. Шляпки? Ах, шляпки... Одну, для улицы. И нет, не такую, как на мне сейчас. Эту пора выбросить, потому что, увы, выбор моей престарелой тетушки. Вообще не смотрите на то, что на мне сейчас. Я сама видеть это не могу, но деваться некуда было, пришлось носить. Цвет моей кожи, глаз и волос вы видите. Ткани подберите с этим учетом. Все-все, мне пора бежать. Вот задаток, Надеюсь на ваш вкус, потому что мне некогда ждать, зайду снова через несколько часов. Примерю, и мы подгоним по фигуре. Платье? Хорошо, давайте еще платье. Вырез аккуратный, неглубокий, вываливать в него я ничего не планирую, приталенное, рукав длинный или три четверти, цвет умеренно яркий. Мне нужно будет в нем появляться среди приличной ученой публики и в общественных местах. Девушки, напоминаю задачу: никаких кринолинов, горы нижних юбок, рюшей, воланов. Все строго, элегантно, респектабельно, но чтобы — ах-ах-ах. Мужчины должны быть восхищены, слюни пускать, но не кидаться. Ну что вы хихикаете, я же дело говорю. Другие женщины должны завидовать, но придраться чтобы было не к чему. А у дам преклонного возраста не должен капать яд

с языка при виде меня. Задача ясна? Ох, ну что вы все смеетесь? Я в вас верю. Действуйте, а я дико опаздываю.

Прости, банковский счет, мне придется тебя немного потрясти. Встречают по одежке. Мне еще предстоит разбираться с руководством университета и доказывать, что работающая мать — это нормально.

Быстрый забег обратно в пансион. Кормление малышки — надо бы имя придумать, — обмыть, перепеленать, усыпить. Снова накинуть защитные и прочие заклинания. Успеть быстро перекусить в столовой на первом этаже. Мое явление многих удивило, Мариэлла туда не спустилась ни разу за несколько месяцев проживания тут.

И снова бегом в город.

Новая дорожная сумка. С той, что лежала в шкафу, только позориться. Я понимаю, что девушка жила скромно и экономно, но сейчас мне предстоит произвести впечатление приличной особы, а не бедной родственницы. Гобеленовый саквояж, недорогой, но новый и аккуратный. Еще одна небольшая сумка через плечо. Я ж теперь типа мама младенца, куда-то нужно складывать детские причиндалы, чтобы они были под рукой.

И салон, в витрине которого красовались детские игрушки и люльки. Там же нашлись и пеленки-распашонки. Но вот мне были нужны не они. Хозяйка лавки оказалась и швеей. Все эти милые одеяльца, чепчики и прочую милоту она

шила сама. Я несказанно обрадовалась и сделала ей заказ на одежды.

Пришлось рисовать. Художник из меня так себе, но уж начертить комбинезончик с закрытыми ножками и застежкой наискосок, от одного плеча до ступни противоположной ноги, это я смогла. Рекламу-то я видела сотни раз. Сама не сошью, как называется такая одежда, не знаю, поэтому будет закрытым комбинезоном.

Срочный заказ на три таких из мягкой бельевой ткани. Еще один такой же, но из чего-то типа велюра или бархата и с капюшоном — верхняя одежда. И многоразовый подгузник типа трусы с застежками по бокам. Но вместо липучек — бельевые крючки. И впитывающие вкладыши, которые можно менять по необходимости. Пришлось соврать, что модели уже в процессе патентования, так как швея была в диком восторге и недоумении. Вот мне и прекрасный источник доходов на будущее. Где тут патентное бюро? Надо успеть забежать до отъезда.

Вечером забрала заказанную одежду для себя. В салоне все примерила, мне подогнали по фигуре, где потребовалось. Заскочила в обувную лавку. В тех калошах, что носила Мариэлла, я ходить не согласна.

Все. На первое время нам хватит. Дальше буду решать проблемы на новом месте, потому что кошелек изрядно полегчал.

В общем, это был длинный день, наполненный бегом по незнакомому миру и городу,

созданием минимального пристойного нового гардероба себе и малышке. А также в попытках осознать, куда я вообще угодила и как тут существовать. Но первый пункт со всеми подпунктами из моего плана был выполнен.

Поужинала в своей комнате. Сил на общество в столовой не осталось. Потом немного повалялась на спине, давая отдых телу, отвыкшему от физических нагрузок. Добавила еще один пункт в свой план. Нужно не только внешний облик приводить в порядок, но и мышцы. Такое аморфное состояние никуда не годится.

Вечер провела в размышлениях, попытках вытащить из памяти все, что пригодится, и в обществе малышки.

— Что же мне с тобой делать-то, карапузик? — пощекотала я пухлое пузико, и девчужка беззубо доверчиво улыбнулась. — Надо показаться лекарю, да? Или не надо? Как часто детей водят к педиатру? А прививки? Тебе надо делать? Если бы я еще все это знала...

Вот так, беседуя с малышкой, я и планы свои заодно выстраивала. Осталось два дня на решение всех насущных проблем, на создание подobaющего имиджа себе и ребенку. Потом короткая дорога в другой город, к месту будущей работы.

И завтра с самого утра мне предстоит решить еще множество мелких дел. В том числе зарегистрировать малышку, выправить ей свидетельство о рождении, дать имя и фамилию. И патент. Да... Я особа меркантильная, если что-то может

работать и приносить деньги, оно должно работать. Потом разберусь, что с этим патентом делать. Сначала просто подгрести все, что потенциально может быть выгодным в будущем.

Где и как регистрируют детей, пришлось узнавать у хозяйки пансиона. Мариэлла этого не знала, следовательно, и я тоже.

— Вы все же решились ее оставить? — взглянула женщина на корзину в моих руках. — Вам придется непросто.

— А кому сейчас просто? — смиренно отозвалась я. — Раз уж она есть, то... В общем, как-то так.

— Имя подобрали?

— Нет еще. По дороге что-то придумаю. Мне бы только понять, куда идти и что необходимо сделать.

Мадам Фолей кратко ввела меня в курс дела и пожелала удачи. А потом неожиданно добавила, когда я уже шагнула прочь:

— Я рада, что вы нашли в себе силы жить дальше, Мариэлла. Вы ни в чем не виноваты. Отрадно видеть, что в ваших глазах больше не стоят обреченность и желание умереть.

— Я... Да... Спасибо, мадам, — скомканно ответила я и сбежала.

М-да. Как же накрыло-то эту бедную девчонку, вырвавшую меня из моего мира, что она решилась на такое. Там, похоже, был не просто стресс, а глубокая депрессия. Обычная, а после еще и послеродовая наложилась.

Регистрация ребенка прошла как-то обыденно. Обычный клерк, стандартные, наверное, во всех мирах бланки. Мать — Мариэлла Монкар. Отец — прочерк. Чья фамилия будет у ребенка? Матери, Монкар. Возраст? Вот тут мне пришлось поднапрячься и подгрузить память из того, что мне оставила настоящая мать девочки. Получалось, что в тот день, когда я тут оказалась, девочке было ровно два месяца. Попросила календарь, отсчитала дни, назвала нужную дату.

Выражение глаз клерка было непередаваемым. Я пожала плечами и непринужденно заявила:

— Я все это время тяжело болела и почти не вставала с постели, месье. Тут родное имя забудешь, не то что в календарных датах потеряешься.

Это его удовлетворило, послеродовые осложнения, видно, нигде не редкость. Затык вышел, когда я дошла до строки с именем. Я его так и не придумала.

Вздохнула. Посмотрела на улыбающуюся в корзинке девчущку. Она не спала все время, пока я ехала в наемном экипаже. Я ведь трезво оценивала силы и понимала, что с корзиной в руках пешком никуда не доберусь.

— Как же тебя назвать?

Нет, ну серьезно. Тут котенку имя придумать — и то не так-то просто. А это же целый живой человечек. Причем не мой, но вроде как теперь уже и мой. И какое имя ей подходит, если она все время тихонечко улыбается, смотрит

большими глазищами или спит, словно орешниковая соня¹.

— Кто тут маленькая сонечка? — негромко произнесла я и подумала, что, почему бы и нет? — Софья, — громче произнесла я, посмотрев на клерка.

— Софй, — послушно повторил он и записал. Я не совсем поняла, почему убрал окончание, но решила не заморачиваться. София, Софи, без разницы. Может, тут так принято.

Мужчина еще раз проверил документы Мариэллы, которые я ему отдала. Внес все записи в книгу регистрации, заполнил бланк, поставил печать. Попросил меня расписаться на нем же. После чего вытащил из футляра, стоящего на столе, странную штуку, похожую на пипетку, только на конце у нее была короткая медицинская игла.

— Маузель, необходимо поставить оттиски крови матери и младенца. И попрошу проследить, чтобы Софи не плакала, это государственное учреждение, шум тут не приветствуется.

Я покопалась в памяти, пытаясь сообразить, что от меня надо и зачем.

Ах вот оно что! Доказательство родства... Ладно. Неприятный, но в целом привычный прокол подушечки пальца иглой артефакта. Он впитал немного моей крови, а мне пришлось приложить окровавленный палец к свидетельству

¹ Орешниковая соня — млекопитающее семейства соневых отряда грызунов. Внешне зверек похож на миниатюрную белку, размерами примерно с мышь. Самый маленький безобидный представитель своего рода.

о рождении. Такая же процедура с маленькой Софи. Та сморщила носик, жалобно скривилась, собираясь заплакать, но я начала ее с улыбкой забалтывать. Мол, а смотри, какая симпатичная бумажка. А давай к ней приложим пальчик. Ой, какой рисунок получился. Ничего себе, как Софи умеет! Такая кроха, а уже рисует. Конечно, она не понимала слов, но улавливала интонацию.

Сработало. Малышка забыла, почему хотела заплакать, и начала улыбаться мне в ответ. А тем временем клерк закончил с оформлением. Выдал мне бланк, подтверждающий имя и фамилию нового члена общества. А то, что впиталось в артефакт и смешалось, капнул в книгу регистрации.

Занятно. Ну да ладно, мир магический, мне пока не все ясно. Только то, что посчитала нужным мне передать с помощью зелий и заклинаний Мариэлла. Со многим предстоит разбираться самой.

Но меня бесконечно радует, что это не глухое Средневековье, а более продвинутое время. Я не сильна в истории, но, по ощущениям, тут примерно как в моем мире в девятнадцатом веке. Во всяком случае, полицейские, которых я видела на улицах, вооружены револьверами с крупным барабаном. И водопровод существует, и канализация. Значит, они тут и паровые котлы используют, и паровозы должны быть. Ну и так далее. Мариэлла не сочла нужным оставлять мне сведения об этом, ее волновала собственная жизнь и то, что послужило причиной рождения Софи.

Глава 4

В этом же здании, где я оформила документы ребенку, находилось и патентное бюро. Удобно, не нужно никуда бегать.

Переместилась я в другое крыло и на другой этаж и, отсидев около получаса в живой очереди, вошла в огромную комнату, заставленную стеллажами с папками, друзьями камней и хрустальными шарами. Вот даже предположить не берусь, что это и зачем.

Диалог у нас с местным служащим состоялся короткий. Кто такая? Что надо? Что хочу патентовать? Фасон детской одежды и многообразные подгузники, не пропускающие влагу? Подождите.

Он встал и отошел к одному из стеллажей. Постоял, положив руки на стеклянный шар, после чего переместился в другой конец комнаты. Там что-то искал. Вернулся с толстой папкой и фиолетовой друзой аметистов.

— Рисуйте, маузель, ваш фасон. И пишите точное описание. Будем проверять.

Вышла я оттуда спустя час. Я решила быть нескромной и патентовать все, что смогу сейчас быстро вспомнить и что еще не запатентовано. Если уж наглеть, то по полной.

Итак, отныне маузель Мариэлла Монкар является владелицей патента на непромокаемые многообразные, а в перспективе и одноразовые детские подгузники. Шезлонг-качалка для младенцев. Я же их видела, значит, и смогу объяс-

нить мастеру, как сделать. А вот с коляской я пролетела, тут они уже существовали. Но я только обрадовалась, это же прекрасно! Куплю при первой же возможности.

Зато не было слинга и кенгуру-переноски. Ну и чудесно. Теперь будут. Как только я смогу с портнихой все это воспроизвести. А еще кофточки-боди, с застежкой между ножек, и комбинезончики, как тот, что я заказала уже.

Ну и отлично, пока хватит. Странно, что тут до сих пор не додумались до таких простых бытовых вещей. Почему они до сих пор используют пеленки — неясно.

Заплатила пошлину, забрала пачку документов, корзину с младенцем и перебралась в ближайшее кафе. Там в туалете перепеленала Софи, за столом в зале покормила ее взятой из пансиона бутылочкой с молоком. Ах ты ж, надо было еще детскую сухую смесь запатентовать. Но тут надо еще подумать, как это делается. Память Мариэллы подсказывает, что это возможно с помощью магии, но надо искать конкретный способ.

Забегала за детской одеждой. Забрала готовое, заказала недостающее. Удачно, что малышка была со мной. Швея с ней посюсюкала, помогла мне переодеть ее в новые вещички. Подарила чепчик на завязках. Смешной, но пригодится. Я о нем не подумала. Зато подумала о переноске.

И еще некоторое время мы с портнихой крутили и вертели отрез ткани, пытаясь на мое тще-

душное тело примотать ужатую в рулон подушку, которая изображала младенца. В теории-то я представляла, как это должно быть. Видела же мамочек с подобными штуками, несущих своих малявок.

На практике пришлось помучиться. Ведь я должна уметь это крепить на себя сама. Поэтому у меня подход был чисто деловой и утилитарный.

И напоследок визит в книжную лавку. Мне требовалась информация о трудовом законодательстве. Я ведь вроде как завтра еду на новое место работы, при этом я одинокая мать без няни.

Очередная монетка, потраченная из небогатого состояния Мариэллы. Вопрос книготорговцу, как мне добраться до нужного города. И, о счастье, я была права насчет паровозов. Но можно и порталом. Но дороже. Но быстрее. Но неприятно, маузелъ. У вас ребенок, дети плохо переносят телепортацию...

Вопрос скорости сыграл свою роль. Я бы и на поезде прокатилась, люблю железнодорожный транспорт. Но время поджимает.

Ладно, будем считать, что мы полетим на самолете. Взлет и посадка, вызывающие желание сдохнуть прямо сейчас и немедленно, зона турбулентности, когда паникуешь и думаешь: «Ну почему я не сдохла при взлете?!» Но зато быстро. Несколько часов мучений и таблетка от укачивания — и ты уже на месте. Потерпим. Раскошелимся. Нам еще в новом месте осмотреться надо

и покорить руководство университета, чтобы они нас не выгнали прямо с порога. Ведь я иду в комплекте с дитем, чего стены магического учебного заведения навверняка еще не видывали.

Сегодняшняя ночь у меня еще оплачена в пансионе, а с утречка пораньше и отправимся.

Доехав до порталльной станции, я все разведала. Купила билеты на самый ранний утренний перенос. Взрослый и детский. Какая прелесть! Тут действуют детские билеты, отлично!

И поспешила в пансион. Список дел сам себя не исполнит.

Обед и ужин мне принесли в комнату. Я же сварила еще несколько зелий, вытянув из доставшейся мне памяти необходимые рецепты.

Странное, конечно, ощущение. Словно делаешь запрос в поисковой системе, там что-то происходит, и тебе выкидывается несколько ссылок. Выбирай подходящую. Вот как-то так я и осуществляла поиски нужной мне информации и рецептур. Мариэлла молодец, запас ингредиентов у нее в шкафу нашелся неплохой. Всего по чуть-чуть, но в ассортименте, и четко подписаны каждый мешочек и коробочка. Многое, к слову, подошло к концу. Нужно бы пополнить эти волшебные припасы.

Пока все остывало, я сортировала немногочисленное имущество, доставшееся мне вместе с телом. Что оставить, что нет. Я не настолько богата, чтобы выбросить целые, хотя и стремные платья. В конце концов, уборку и маркую работу

можно и в таком убожестве делать. Так что сохраняем. Белье Мариэллы в утиль, это я больше не надену. Ветхий плащ тоже. И все прочее, что выглядит потрепанным, поношенным и жалким.

Ну не могу я себе позволить явиться к новому месту работы в облике «обнять и плакать». Нельзя. Люди одинаковы во всех мирах, уверена. Меня должны сразу принять и оценивать как молодого специалиста, уверенного в своих силах. Небогатого. Не шикающего. Но следящего за внешним видом.

Будем впечатлять не количеством, а качеством. Пусть у меня всего три наряда, но приличные. Потом дополним гардероб, когда начну получать заработную плату.

Упаковав багаж и убедившись, что ничего не оставила в шкафу, под кроватью и на столе, кроме сваренных зелий, я закончила уходовые процедуры. Мне завтра нужно быть красавицей, насколько это возможно.

Эпиляция. Дезодорант продолжительного срока действия. Тоник для кожи лица и тела. Зелье для волос, чтобы блестели и хорошо укладывались в прическу.

— Ну что, Софи? — обратилась я к малышке. — Готова к новой жизни? Справимся? Ты как считаешь?

Мнение Софи выразилось в слюнявых пузырях и беззубой улыбке. Забавная кроха. Но все-таки почему она совсем не плачет? Это нормально? Мне казалось, младенцы должны часто рыдать. А тут тишь да благодать. Но кряхтит и